

УДК 82-131

Л. Х. Мухаметзянова

*Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова
Академии наук Республики Татарстан,
ул. Академика Глушко 14 – 37, Казань, 420100, Россия
E-mail: lilmuhat@mail.ru*

Тюркский дастан «Кур углы» как материал диалектологического исследования

Настоящее исследование посвящено изучению языковых особенностей дастана героико-приключенческого характера «Кур углы». Обращаясь к многочисленным национальным версиям и распространенным среди татар вариантам, автор с позиций фольклориста и диалектолога определяет степень продуктивности дастанных текстов на знаменитый сюжет. В статье выявляются и анализируются тождества и различия антропонимических, топонимических названий, упмянутых в различных версиях и вариантах дастана, дается характеристика синтаксико-стилистическим, фонетическим особенностям языка эпоса.

Ключевые слова: дастан «Кур углы», вариант, версия, языковые особенности, национальный, рукопись, текст.

Дастан с именем «Кур углы» был очень популярен в Сибири, Средней Азии и Казахстане, Ближнем Востоке, на Кавказе и, даже частично, в Европе. Дастан на этот знаменитый сюжет у таких народов, как туркмены, узбеки, таджики, казахи, каракалпаки, башкиры, азербайджанцы, турки, аджарцы, абхазцы, кумыки, курды, армяне, грузины, арабы и др. был известен как произведение эпического фольклора. Несмотря на некоторое сюжетное сходство, у каждого народа он обладает своими особенностями. Дастан известен под названиями «Кёр углы», «Кёроглы», «Кер углы» «Кур углы», «Гёр углы», «Гёроглы», «Гороглы», «Гур углы», «Гургули», «Гургули-шо» и др. В названии нашло отражение различное фонетическое звучание, связанное с языковыми особенностями. У каждой версии разная поэтика, стиль, сюжетный состав и объем. Но есть немало общего, характерное для большинства из национальных версий. У всех народов эти дастаны — памятники героико-исторического эпоса народного творчества, где повторяются основные мотивы и образная система. Национальные версии являются богатым источником в сравнительном изучении родственных языков, на которых созданы эти удивительные эпические памятники.

«Кур углы» в свое время был широко распространен и среди дисперсно проживающего татарского народа. Бытовавший среди разных этнических групп татар в нескольких вариантах, национальная татарская версия вызывает к себе особенный интерес как источник диалектологического материала. К татарам дастан пришел в конце XIX в. через письменные источники. Известно, что у многих народов первичный текст дастана восходит к творчеству ашугов, т.е. это было произведением устного творчества. Татары же познакомились с ним после того, как он был записан. Есть сведения, что уже в середине XVIII в. были отпечатаны записанные из уст ашугов некоторые тюркские версии.

Среди татарских вариантов особое место занимает вариант, записанный В.В.Радловым в Сибири. Следует отметить тяготение татароязычного текста В.Радлова в отношении языка и стиля к традиционным устным сказаниям, характерным для многих народов бескрайней Сибири.

У популярного у различных народов «Кур углы» в основе сюжета лежат некогда реально происходившие события, образ главного героя восходит к исторической личности. «Кур углы» — с научной точки зрения достаточно изученный дастан, его тексты и в наши дни повторно переизданы, знатоки эпоса считают, что данный сюжет возник на территории Азербайджана и Малой Азии. Накоплен достаточно обширный материал, доказывающий, что основные события азербайджанской, турецкой и др. версий дастана связаны с движением джалалидов, произошедшим на этой территории в конце XVI — начале XVII в. [Короглы, 1973, 134 — 146]. Джалалиды совершали набеги на торговые караваны, вражеские города, занимались грабежом на больших дорогах, о чем подробно описывается в эпосе о Кур углы. Х.Короглы считает, что джалалидами в большинстве своем были туркмены, их главарем был знаменитый Хасанбек из рода поэтов [Короглы, 1973, 144].

И, действительно, имевшее место в истории движение джалалидов во многом созвучно с событиями, описанными в дастане. Герой по имени Хасанбек — достаточно важная фигура во многих версиях дастана, а Кур углы интересен тем, что будучи головорезом, он описывается еще и как поэт-ашуг. Но версии дастана и непосредственное отражение этого движения — это не одно и то же. Но, несмотря на это, нельзя отрицать тот факт, что эпос сформировался в эпоху поэта-ашуга Кур углы и его соратников или несколько позднее. Как это характерно для фольклорного процесса, в дальнейшем и герой, и исторические события постепенно приняли эпический характер. До того, как этот эпос в творчестве многих народов, обладающих различной культурой и этногенезом, занял свое место, возможно, прошло несколько десятилетий, а может и больше. Но наличие фактов, касающихся событий дастана, дают основания полагать, что произведение не могло возникнуть ранее XVII — XVIII вв. Отсюда следует, что появление «Кур углы» у татар относится к еще более позднему времени. Время становления эпоса и дальнейшие изменения в зависимости от хронологических и географических факторов непосредственно сказываются на языке произведения, этот неопровержимый факт имеет огромное значение и для «Кур углы».

Версии и варианты дастана прежде всего интересны приобретенными в стадии развития дастана удивительным языковым синтезом. Например, в азербайджанской версии туркмены-теке упоминаются достаточно своеобразным образом — лишь в связи с Айвазом и арабом Райхан, а в турецкой версии о туркменах вообще нет ни слова. Возможно, такие изменения в более поздних версиях дастана, созданных под влиянием первой версии, могут являться местными диалектальными признаками. Кроме того, в различных тюркских версиях очень сильно напутана топонимика. Например, в них бахши названия незнакомых ему городов по-своему изменяет. В туркменской версии дастана один город, имеющий два названия (официальное и принятое в народе), описывается как два города. Среди городов находящихся во владениях Хункара, упоминаются Испыхан, Нусбыджахан. Испыхан — город в центральном Иране, был столицей Сефевидов. Нусбыджахан — определение этого города, означающее «полмира», данное ему народом. Также термин «госман» («осман»), означающий в эпосе турецкую династию, закрепился как географический термин.

Но нельзя отрицать и того, что большинство топонимов тюркских версий реально исторические. В плане времени и места в дастане не могли не отразиться исторические события, политическое и религиозное противостояние, и, в связи с этим, следовательно, большое значение имеет и соответствующая терминология того времени. После правления хулагуидов

(монгольская империя с основной базой на территории Азербайджана и столицей Тебриз), на территории от Дербента до Багдада возникают туркмено-огузские государства Ак Коюнлу и Кара Коюнлу, которые между собой постоянно находились в состоянии войны. Победив в XV в. в этом противостоянии, государство Ак Коюнлу начинает воевать с Османской империей. В истории это воюющее с османами племя известно под названием Кзылбаши (Красноголовые). Это были азербайджанцы-шииты и восточные иранцы (другими словами, нишапуры — по названию города на территории Хорасана (Иран)). Известно, что Кзылбаши и османцы не могли прийти к перемирию на протяжении четырех веков. Если сначала они воевали за выход к Черному морю, за земли Восточной Анатолии, то с XVI в. после шиитской революции под руководством Шаха Исмаила Сафави война принимает религиозный характер под знаменами шиизма и суннизма. Эта затяжная война вошла в историю под названием кзылбаши-османская или персо-османская. Туркмены Средней Азии кзылбаш-шиитов считали своими вековым врагами.

Версии дастана с этими событиями всесторонне связаны. Здесь враги главного героя — османцы и кзылбаши. В туркменской версии дастана ашуг, повествующий о турецком султани Хункаре, «объединил» турок с кзылбаши. Это можно воспринимать как желание бахши, не вдаваясь в исторические тонкости, предложить в качестве общего собирательного образа врагов туркмен.

В эпосе упоминаются названия городов соседнего Ирана XVII — XVIII в. — Нишапур, Сабзивар, Дамган, Тегеран, куда совершали набеги туркмены. Готовясь к войне с Хункаром, Кур углы собирает совет и призывает туркменские племена готовиться к войне с врагами. Х.Короглы отмечает, что этот эпизод встречается в произведениях туркменских поэтов XVIII в. Махтумкули, поэта XIX в. — Молланепес [Короглы, 1973, 139]. Импровизаторы, красноречиво доносящие дастан до народа, наряду с описанием событий далекой истории в сюжет свободно включали события и названия городов своей эпохи. В туркменской версии, в конце азербайджанской версии и в др. версиях, как это традиционно для эпоса, наряду с саблей упоминается и огнестрельное оружие. В войне с войском Хункара Кур углы и народные мстители используют оружие с названием «туп», т.е. ядро, пушка. Известно, что огнестрельное оружие в Средней Азии появилось только в конце XIV в., а в эпос попало лишь в XV — XVII вв. [Жирмунский, 1979, 59]. Следовательно, описание использования огнестрельного оружия могло быть введено бахши в дастан как достижение своего времени.

Кроме того, в версиях «Кур углы» довольно много образов, соответствующих реальным личностям, упомянутым в древних письменных исторических памятниках. Западные и восточные версии дастана утверждают, что кроме обладания авантюрными талантами, Кур углы был еще и ашугом. Армянский историк Аракель Тавризский писал об известном музыканте, поэте-импровизаторе Кёроглу, а также об упоминаемых в дастане его соратниках Гизироглу, Косе Сафаре. У Аракеля также зафиксированы и прозвища известных людей: «Юлга сыймас» («Тот, кому дорога тесна»), «Тэңре танымас» («Не узанный Создателем») [Мухаметзянова, 2014, 237]. Такие же имена, некоторые в несколько измененном варианте встречаются в версиях дастана. Например, в турецкой версии есть прозвище «Кабергэ сыймас» («Тот, кому могила тесна»).

В целом, знаменитый ашуг Кур углы в исторической литературе встречается достаточно часто. Например, турецкий путешественник XVIII в. Аулия Челеби, состоящий на службе у турецкого султана, повествуя об известном поэте-импровизаторе в составе кзылбашей, предлагает его как популярную личность, обладающую большим талантом, и, оценивая других поэтов, сравнивает их с Кур углы (Кёроглы) [Короглы, 1973, 141]. Во время деловой поездки в 1665 году Аулия Челеби со своими спутниками стали свидетелями крестьянского восстания, известного под названием движение джалалидов. Эта банда грабителей напала на Аулия Челеби и его спутников, главарь банды

снял с путешественника его кинжал. И тогда Челеби сказал: «Содеянное вами зло в этих местах не совершил бы даже Гуроғлы». Особенно важно то, что под «этими местами» историк подразумевает местность, называемую «Чардағлы — Чағлибиль». Как известно, во всех версиях фигурирует созвучный этому названию крепость Кур углы Чамлыбел, а иногда оно значит и как название государства. Путешественник эти территории описывает как провинции Турции. Кроме того, Челеби в качестве главарей джалалидов упоминает имя Чығалыбека, а также дает сведения о туркменах-теке. Как известно, в туркменских версиях Чығалыбек — дед Кур углы, сам Кур углы — почти во всех версиях происходит из племени туркмен-теке.

Помимо того, что это имя человека, оно упоминается и в качестве названия племени «куруғлы». Вот как об этом пишет Х.Короғлы: «Искандербек Туркман непосредственно не упоминает имени Кёроғлу (или Гёроғлы). Только в двух случаях он называет кёроғлы как туркменский род из племени зулкадар. О туркменском роде кёроғлы, жившем в Хорасане и Азербайджане, сообщает также историк XVIII в. Мирза Мехдихан» [Короғлы, 1973, 143]. И, действительно, этот этноним встречается и в эпической песне азербайджанской версии дастана, в которой герой говорит, что он родом из племени куруғлы, не знающего поражений.

Главный герой дастана изображается как мститель, который воюет с шахом за своего ослепленного отца и насажденной им в народе тиранией. Произведение заканчивается трагической гибелью Кур углы.

Независимо от того, какие исторические события каких народов отразились в дастане, кем бы ни был прототип главного героя, здесь ценно не выяснение исторической достоверности, а сам факт функционирования этого эпического памятника и его версий в народном творчестве, сохранение антропонимических и топонимических данных, таких важных в изучении эволюции и закономерностей развития того или иного языка. По мере хронологического, географического и этногенетического отдаления событий действительности, их отражение в версиях дастана утрачивают свою историческую значимость, при этом служат ценным источником для языковедов.

Переписываемые и читаемые у татар варианты — это памятники, пришедшие к нам в письменном виде в ходе обмена духовной культурой с другими тюркскими народами. Народ его принял в первую очередь из-за увлекательного сюжета, приспособил к своим фонетическим особенностям этнонимы, топонимы и антропонимы, внес в него различные изменения, сделав кое-где сокращения или фонетические поправки. В отличие от западных и восточных версий, татарский вариант не так велик, и сюжетная система по сравнению с ними компактнее. В то же время важно то, что исследование историчности общего сюжета вносит достаточную ясность и в татарские варианты. События, описанные в татарских текстах, запечатленная в них история топонимических и антропонимических сведений во всей полноте раскрывается лишь опираясь на эпизоды, отраженные в других версиях.

Дастан «Кур углы» В. В. Радлов записал в конце XIX в. у сибирских татар, проживающих в Тюменской области [Радлов, 1872, 258 — 262]. Дастан носит прозаический характер, за исключением нескольких диалогов в поэтической форме. Основная часть текста состоит из коротких прозаических строк. Объем текста сравнительно невелик, не превышает четырех листов. Построение сюжета не сложное, представляет собой одну сюжетную линию, основанную на деяниях и поступках главного героя.

Везир по имени Кур-батыр сообщил стамбульскому паше о том, что одна из кобыл его табуна ожеребится, и тот со временем станет тулпаром — быстроходным конем. Рожденный невзрачный жеребенок не понравился паше, он не поверил, что из него вырастет хороший конь, и за это он ослепил Кур-батыра. А жеребенок немного подрос и превратился в настоящего боевого,

сильного коня. После этого вспыльчивый Кур-батыр взял под уздцы коня, повел его к паше, чтобы доказать неправоту последнего:

– Видишь? Ты лишил меня зрения, пусть и тебя ослепят! — сказал он. Паша разгневался, велел схватить Кура, а тот со своим сыном убежал.

Происхождение имени «Кур» Б. А. Каррыев объясняет двояко: слово «гур» («гур» — могила) (в таджикской и узбекской версиях главный герой, действительно, рождается от матери в могиле) в некоторых тюркских языках это слово означает «слепой» [Каррыев, 1968, 227]. В варианте В. Радлова присутствует другое объяснение, т.е. сына, рожденного от ослепленного пашой слепого, назвали Куром, что более убедительно, а мотива могилы здесь нет. И все же в большинстве тюркских версиях дастана слово «күр / гүр / кер» использовано в значении могила, и вероятность того, что именно это имеет отношение к имени героя, более убедительна. В то же время мы проследили и возможность того, что у этого имени могут быть исторические корни.

Сын Кур-батыра спасает отца от преследований паши, а сам в городе Шамливил «возглавив юношей, никого не пропуская мимо, грабит караваны», занимается грабежом и убийством богатых. Если в других версиях эти события излагаются подробно, то в варианте В. Радлова о них дается всего несколько предложений. Эпический стиль более позднего времени доказывает более позднее формирование варианта сибирских татар.

Далее повествуется о войне и победе Кур углы над главарем кучки богатырей Ага Цаузом (у других народов, в том числе у казанских татар имеет место вариант Ага Чауз), об ограблении его богатств и пленении.

Как-то однажды пришел к ним старик. Члены банды Кур углы отобрали у старика деньги. Услышав от старика: «Умрешь, не оставив после ни сына, ни дочки», Кур углы поговорил с ним по поводу девушки для себя. Старик рассказал ему о живущей в Стамбуле девушке по имени Никяр. Этот образ не простой старик, а, быть может, несколько измененный вариант, подробно описанного в других национальных версиях, например, в таджикском дастане, образа Хозыра. Несмотря на то, что в татарском дастане об этом ничего не сказано, то, что старик сам пришел к Кур углы, а после полученной обиды предсказал ему его судьбу, а затем дал информацию по поводу девушки Никяр, позволяют образ старика отождествлять именно со святым Хозыром. Хозыр — персонаж, часто упоминаемый в дастанах, пришедший в татарское эпическое творчество из древнеиранской, мусульманской мифологии.

После этого Кур углы уходит в Стамбул. Уход героя дастана в другие земли в поисках невесты — мотив, широко распространенный в эпосах тюркских народов. Этот мотив известен под названием «мотив героического сватовства». Обычно сибирские и среднеазиатские тюрки жен брали из других племен. Было принято жениться только в том случае, если не было никакого родства вплоть до седьмого колена. О связи мотива поиска жены на стороне с экзогамией и об отражении этого обычая в народном творчестве тюрко-монгол Сибири подробно писал Е. М. Мелетинский [Мелетинский, 1963, 259 — 260]. В варианте сибирских татар уход героя на поиски Никяр восходит к традиционному мотиву сватовства и женитьбы — никях. Здесь информация об этом дается в краткой форме в двух предложениях.

Плененного в дороге Кур углы запирают в темницу, Никяр-ханым его освобождает. Для эпоса тюркских народов, возникшего в условиях патриархальной кочевой жизни, характерно описание жены или невесты героя как его равноправного, умного помощника. Подобные примеры мы встречаем в эпосе «Алпамыш» (Барчин), «Кобланды батыр» (Кортка), «Манас» (Канькей), «Чура-батыр» (Миннесьлу или Голханыс, Акменде) и др. И в «Кур углы» нашла отражение эта эпическая традиция, восходящая к древности. При помощи Никяр-ханым сидящий в темнице и перебирающий струны домбры Кур углы освобождается и продолжает свой путь. Проникнув во дворец хана Бул-бека, он похищает девушку и коня. Войско Бул-бекга устраивает за ним погоню. Начинается ожесточенная перестрелка луками и стрелами. На помощь

Кур углы приходят его друзья. Победив войско Бул-бека, пленив его самого, они увозят его в Шамливил. Кур углы жестоко убивает Бул-бека:

Бул бәк, сине туткан көнләр ни булды?

Инде тиреңне суйдырам, суйдырам,

Йиреңә, халкыңа куйдырам,

Ыстамбулның капкасына илтеп куйдырам [Радлов, 1872, 261]. (Бул-бек, что было, когда я тебя поймал? / Теперь я кожу с тебя сниму, сниму? / На землю твою, народу твоему отправлю, / На воротах Стамбула повешу).

Кур углы набитое соломой тело Бул-бека приносит к воротам царя Стамбула. Взбешенный этим царь обещает выдать свою дочь за того, кто принесет ему вороного коня Кур углы, слава о котором шла по всей стране. С помощью хитрости с этим заданием справляется юноша по имени Хазал.

С полученным заданием Хазал приходит в Шамшивил, устраивается к Кур углы на службу, завоевывает его доверие. В дастане говорится, что Хазал долго служил у Кур углы скотоводом, а затем, выкрав у него вороного коня, сбежал к царю Стамбула.

Кур углы бросается за ним в погоню и вскоре догоняет. По дороге Кур углы видит своего привязанного к дверям мельницы вороного коня и сходит со своего коня. Хазал с помощью хитрости оставляет Кур углы ни с чем: когда Кур углы заходит на мельницу в одну дверь, сам он выходит в другую, вскакивает верхом на коня Кур углы, прихватывает вороного, и сбегает. Хазал знает: если оставит коня, то от Кур углы ему пощады не будет, а если спасется бегством, то царь Стамбула готов отдать ему свою дочь. Эта тактика очень удобна для Хазала, но он и с Кур углы не портит отношений, наоборот, приглашает его на свадьбу, обещает тогда вернуть ему коня. Позднее он свое обещание выполняет.

Хазал — для традиционного героического эпоса нетипичный образ. Разрешение конфликта между Хазалом и Кур углы происходит не в форме борьбы, а с помощью хитрости. Это — отражение эпической традиции более позднего периода. Явление, когда в картину борьбы-сражений героев включается борьба ума и хитрости, мы встречаем и в других дастанах, например, в героическом дастане XVIII в. «Кахарман Катил». Поступки Хазала совершаются не ради страны или идеи, а исходя из собственных амбиций — ради женитьбы на дочери царя, для самовосхваления.

Враги Кур углы — всегда социальные враги, это — богатые караванщики, ханы и царь. Данный факт возвращает к истокам событий — к причинам, сделавшим Кур углы героем-преступником. Действительно, отца Кура необоснованно оскорбляют, вследствие чего отец становится слепым, вынужден бежать из страны. Обидчик — царь Стамбула, использующий свою власть в коварных целях. Вот вся причина вражды и обиды. Поступки Кур углы совершаются с целью мщения, поэтому они логически оправданы. Здесь стоит помнить и о том, что Кур углы среди своих соратников пользуется огромным авторитетом. Всегда и везде эти юноши готовы прийти ему на помощь, и эта преданность объясняется признанием его силы, героических поступков.

Картина, когда еще до появления на свет коня, между ним и героем устанавливаются близкие отношения, общая для многих тюркских дастанов картина. В азербайджанской версии «Кур углу» Хасан бек еще до рождения начинает дружить с рыжим жеребенком, который должен появиться от коня своего отца-богатыря — Гырата («кыр аты» — значит полевой конь). И в киргизском «Манасе» есть похожий эпизод. В казахской версии «Чура-батыра» Голханьыс, увидев скачущего им навстречу коня, думает, что «это будет конь моего ребенка, когда он родится», и это предположение вскоре осуществляется. И в «Кур углы» сибирских татар рядом с героем, кроме сорока юношей-соратников, присутствует и неотъемлемый атрибут тюркского эпоса — конь, которого может оседлать только сам герой.

Если обратиться к языку, стилю и поэтическим особенностям дастана, то подтверждается, что это произведение было записано под диктовкой некого

Исали сына Руси. Повествовательный его язык отличается смешанным, синкретическим характером, т. е. текст включает в себя как выражения устной, разговорной речи, так и обороты, характерные для письменной прозы того времени. Например, «Истанбул патшасы эйтте», «Күрнең улы эйтте», «Туры атка менеп, Истанбулга барды», «Күр улы атын һәм бэйләде», «Тоттылар Күрнең улын, аягын-кулын бэйләделәр, алып киттеләр, зинданга салдылар» — «Сказал царь Истанбула», «Сказал сын Кура», «Сев на гнедую, приехал в Станбул», «И сын Кура привязал свою лошадь», «Поймали сына Кура, связали руки и ноги, унесли, посадили в зиндан» — здесь порядок слов, в частности, месторасположение связки «һәм» (и) подчиняется литературному канону. Язык дастана больше тяготеет казанскому говору и довольно далек от разговорного диалекта сибирских татар. Это явное следствие влияния языка и культуры татар Поволжья. Самое главное, татарская версия «Кур углы», хотя и была записана на Tobольской земле, фиксирована письменно и бытовала в Поволжье в печатном виде, которая многократно переиздавалась в Казани. Следовательно, этот вариант не является подлинно аутентичным, испытав стилистические изменения, он приблизился к книжной культуре или сформировался в эпическом стиле поздней эпохи, приобретая «новшества», чуждые для текста традиционного устного дастана.

Касаясь происхождения данного варианта, следует сказать следующее: соседство со Средней Азией обеспечивало сибирских татар восточными письменными источниками. Tobольские татары в первую очередь под влиянием мусульман Средней Азии в XVI в. приняли ислам, а под влиянием переселившихся туда казанских татар постепенно потянулись к письменной культуре. Этим и объясняется скрещивание в дастане завезенных извне письменных и местных устно-вербальных традиций, а также смешение или параллельное использование лексики и оборотов диалектального и литературного характера.

В период конца XIX — начала XX вв. в татарских пограничных со Средней Азией областях наблюдалась картина двуязычия. Известны и импровизаторы, знавшие эпосы нескольких родственных народов. Например, в архиве Центра письменного и музыкального наследия Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Татарстана хранится текст дастана «Алпамыш», записанный от одного и того же информанта на татарском и казахском языках [Фонд]. В целом среди родственных тюркских народов наличие двуязычных чичанов и их умение исполнять на двух родственных языках было привычным явлением. А вот Акмулла (1835—1895), считавшийся поэтом-чичаном-акыном сразу трех народов, свои произведения сочинял на тюрки, употреблял лексику башкирского, казахского и татарского языков. На примере таджиков и узбеков В. М. Жирмунский также писал об этом: «Взаимопроникновение языков обусловлено этническим смешением таджиков и узбеков (в Самаркандской и Бухарской областях и в соседних районах Таджикской ССР), широкораспространенным двуязычием вообще и наличием двуязычных сказителей» [Жирмунский, 1974, 20].

Б. А. Карриев, одним из первых обративший внимание на тобольский вариант татарского дастана, писал: «Допустимо предположить, что татарский «Кур-улы» восходит первоначально к письменному среднеазиатскому источнику, завезенному в Сибирь. В этом отношении заслуживает внимания сообщение академика Радлова о том, что «татары около городов Тары и Tobольска славились издавна ученостью... Значительная часть тарских и тобольских татар сделались учителями киргизов (т.е. казахов)» [Карриев, 1968, 254]. Не трудно догадаться, что в формировании среди сибирских татар такого грамотного, образованного слоя немалую роль играли казанские татары. Вариант В.В.Радлова — образец эпоса сибирских татар более позднего времени, испытавший влияние языка письменной прозы татар Поволжья. Этот вариант дастана «Кур углы» творчески переработан на стыке устных и письменных эпических традиций. Он выполняет функцию своеобразного объединения

традиций чичан Сибири и Средней Азии с реалиями письменной культуры казанских татар. В стилистическо-языковом отношении он интересен как произведение синкретического характера, которое объединяет в себе особенности восточного диалекта и литературно-письменного языка казанских татар.

Кроме варианта сибирских татар имеется рукописный вариант дастана, найденный в Татарстане. По данным информации М. Ахметзянова, рукопись найдена в 1980 году во время фольклорной экспедиции С. Мухаметнуровым на территории Татарстана в татарской деревне, передана архиву ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова АН РТ и описана М.Ахметзяновым [Әхмәтжанов, 2000, 187].

Сегодня рукопись хранится в Центре письменного и музыкального наследия Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ [Фонд, колл. 39, ед. хр. № 5013]. Рукопись на арабской графике, состоит из двух листов. Записан фиолетовыми чернилами на бумаге, произведенной в 1920-х гг., носит фрагментарный характер. Текст включает 26 стихотворных строк.

В фрагменте рукописи описано, как взятый Кур углы на воспитание и выросший верным ему хан Хасан призывает юношей из войска в военный поход. Вот несколько строк из этого текста:

Фәрәмуш булмасын имди хәтерләр.

Корыңызлар сарә нәрдә чатырлар.

Ак керүгә савыт кигән батырлар,

Я алыңлар, я үлеңләр егетләр.

Йулымызда күзе Күр углы солтан,

Гаваз ханны килтерер дип кырык арслан.

Ук үтмәгәй, кирек тиресе бу калкан,

Я үлеңләр, я алыңлар егетләр.

(Не подвела бы память. / По случаю праздника сооружены шатры. / Белые кольчуги надели герои. / Или победят, или погибнут батыры. / На нашем пути султан Кур углы, / Хана Гавазы принесут сорок львов. / Не проникнет стрела, прочен этот щит, / Или победят, или погибнут герои).

Несмотря на то, что это всего лишь фрагмент, рукопись можно оценивать как один из вариантов «Кур углы». Текст построен не на многострофичной тираде, а на четверостишные строфы, заканчивающиеся одинаковым рефреном («или победят, или погибнут»). Стихосложение выделяется устойчивым, силлабическим метром, как это свойственно неимпровизационному стиху. По своему сюжету этот вариант отличается от сюжета дастана, записанного у сибирских татар. Антропонимическая и топонимическая общность в этом случае играет роль сближающего фактора. Единые мотивы (у Кур углы нет детей и т.д.), пересказанные в двух вариантах по-разному в синтаксическо-стилистическом отношении, а также лексические общности позволяют собрать два сюжета воедино.

Данный рукописный фрагмент дастана «Кур углы» созвучен с изданным вариантом дастана. Вышеприведенный отрывок полностью совпадает с текстом из дастана, изданным в Казани в 1894 году [Хикаяте, 1894, 13 — 15]. В описании прочности щита в эпитетах, а также в порядке некоторых слов есть различие, а во всем остальном стихотворные строки полностью совпадают с выше рассмотренной рукописью, написанной автором, принадлежавшим казанским татарам, литературным языком своего времени. В казанских типографиях в конце XIX—начале XX в. неоднократно было отпечатано крупное произведение «Хикаяте Кур углы солтан». В период 1889—1916 гг. оно выдержало 11 изданий. Вышеприведенный фрагмент, претерпев некоторые лексические, морфологические и орфографические изменения, встречается во всех печатных вариантах дастана.

На языке изданного «Хикаяте Кур углы солтан» преобладают арабо-персидские заимствования и текст в целом сегодняшнему читателю малопонятен. Объем достаточно велик и составляет 90 листов на арабской графике. Произведение излагает историю ханов в форме предания, в хронологическом

порядке перечисляет имена некоторых ханов, сообщает, что Кур углы стал правителем в пятнадцать лет. Таких элементов, как, например, подробное описание всей жизни Кур углы, начиная с детства и до достижения юношества, его коня, рожденного чудесным образом, как это имеет место в туркменской версии, в татарском дастане нет. Татарский дастан останавливается лишь на некоторых событиях жизни Кур углы. Сказать, что эти события в других национальных версиях всегда излагаются последовательно, невозможно, одни и те же имена, схожие события по разному поводу встречаются в разных местах сюжета. В отличие от туркменской, таджикской, азербайджанской и др. версий, татарский дастан на новой почве составлен по-новому, в творческом процессе был подвергнут большим изменениям. Остановимся на некоторые эпические мотивы этого объемного варианта дастана.

Когда Кур углы исполнилось тридцать лет, к нему пришли Хозыр, сорок святых душ, двенадцать имамов и посвятили ему святую молитву. В сорок они вновь пришли к нему и спросили, чего он от них хочет. Он просит у них долгую жизнь в почете и славе, а попросить детей-наследников не догадывается.

В дастане говорится о том, что, несмотря на неоднократную женитьбу, детей у него не было. Понимая необходимость наследников, доживая до ста лет, Кур углы привозит из Исфахана хана Хасана, объявляет его своим сыном, ставит его во главе храбрых юношей.

Далее дастан повествует о том, как под предводительством Хасана сорок юношей идут в страну Хункар. Оказалось, что здесь «живет красавец-юноша Гаваз — сын мясника по имени Булдырык». Кур углы захотел увидеть Гаваза, сделать его своим наследником. Поэтому он, приказав: «Слушайтесь и подчиняйтесь Хасану!», в Хункар посылает войско с целью привести Гаваза.

В татарском изданном варианте Гаваз соответствует упоминаемому в различных национальных версиях образу красивого юноши по имени Айваз (Овез, Иваз, Аваз). В каждой западной и восточной версиях дастана есть эпизод, когда в одной из захватнических войн Кур углы крадет юного красивого юношу по имени Айваз. Этот юноша сначала служит у Кур углы виночерпием, а позднее становится единомышленником этого головореза-мстителя. Похоже на то, что описанный в версиях дастана эпизод о юноше связан с событиями действительности.

Хан Хасан с сорока юношами доходит до государства Хункар и останавливается у горы Бадбахет. Гора эта находилась в землях Горжестан. Юношам, которые с горы с удивлением восхищаются масштабом города, большим количеством ворот, Хасан-бек произносит 26 вышеприведенных из рукописи стихотворных строк. В них он призывает юношей к схватке, просит оправдать доверие Кур углы солтана.

Несмотря на неоднократное переиздание в казанских типографиях, дастан «Кур углы солтан» у поволжских татар в устной форме распространения не получил. Данный вариант был известен как письменный памятник на знаменитый сюжет.

Итак, татарская версия дастана о Кур углы имеет различные варианты, начиная от бытовавшего у сибирских татар, рукописного текста и кончая найденным в Поволжье списком и множеством изданий. Несмотря на общирность регионов бытования данного произведения народного творчества, поэтический стиль и стихотворные тексты обнаруживают поразительные совпадения. Татарским вариантам «Кур углы» свойственно множество лексико-стилистических или же фонетических общностей и особенностей в сравнении с друг другом и другими национальными версиями. По построению сюжета, подаче образа-персонажей, последовательности событий, объему она не повторяет версии других народов. Героическое произведение приключенческого характера «Кур углы» — бесценный источник для изучения не только этнической истории, тюрко-татарских культурно-литературных связей, тексты дастана весьма интересны и в плане сравнительного изучения тюркских языков и диалектных особенностей татарского языка.

Литература

- Әхмәтжанов М. И. Татар кулъязма китабы. Казан, 2000. 270 б.
 Жирмунский В. М. Тюркский героический эпос. Ленинград, 1974. 728 с.
 Карриев Б. А. Эпические сказания о Кер-оглы у тюркоязычных народов. Москва, 1968. 260 с.
 Короглы Х. Г. Туркменский эпос «Героглы» и особенности его историзма // Специфика фольклорных жанров. Москва, 1973. С. 134 — 146.
 Мелетинский Е. М. Происхождение героического эпоса. Москва, 1963. 463 с.
 Мухаметзянова Л. Х. Татарский эпос: книжные дастаны. Казань, 2014. 380 с.
 Радлов В. В. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи, ч. IV. Наречия барабинцев, тюркских, тобольских и тюменских татар. СПб., 1872. С. 258—262.
 Фонд Центра письменного и музыкального наследия ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, колл. 39.
 Хикәяте Күр углы Солтан. Казань: Типо-литография Имп.-го ун-та, 1894. 90 б.

L. Kh. Mukhametzyanova

*Institute of Language, Literature and Art. G.Ibrahimov of the
 Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan,
 Academician Glushko St., 14 – 37, Kazan, 420100, Russian Federation
 E-mail: lilmuhat@mail.ru*

Tyurkic dastan «Kure's son» as a material for dialecolological research

The present study is devoted to the study of the linguistic features of the dastan of the heroic-adventure character «Kure's son». Turning to the numerous national versions and the variants distributed among the Tatars, the author, from the positions of a folklorist and dialectologist, determines the degree of productivity of the texts given to the famous story. The article identifies and analyzes the identities and differences of anthroponymic, toponymic names, which were mentioned in different versions and variants of dastan, and describes the syntactic-stylistic, phonetic features of the language of the epic.

Keywords: dastan, «Kure's son», variant, version, language features, national, manuscript, text.

References

- Akhmetzyanov M. I. *Tatar kul'yazma kitaby. Tatarskaya rukopisnaya kniga* [The Tatar manuscript book. Kazan, 2000, 270 p. (In the Tatar language)]
 Zhirmunsky V. M. *Tyurkskij geroicheskij ehpos* [Türkic heroic epic. Leningrad, 1974. 728 p.
 Karreev B. A. *EHpicheskie skazaniya o Ker-ogly u tyurkoyazychnyh narodov* [Epic tales of Ker-ogly among the Turkic-speaking peoples]. Moscow, 1968, 260 p.
 Korogly H. G. *Turkmenskij ehpos «Gerogly» i osobennosti ego istorizma* [Turkmen epic “Gerogly” and features of its historicism] In: *Specifika fol'klornyh zhanrov* [Specificity of folklore genres]. Moscow, 1973, p. 134–146.
 Meletinsky Ye. M. *Proiskhozhdenie geroicheskogo ehposa* [The origin of the heroic epic]. Moscow, 1963, 463 p.
 Mukhametzyanova L. Kh. *Tatarskij ehpos: knizhnye dastany* [The Tatar epic: book dastans]. Kazan, 2014, 380 p.
 Radlov V. V. *Obrazcy narodnoj literatury tyurkskih plemen, zhivushchih v YUzhnoj Sibiri i Dzungarskoj stepi, ch. IV. Narechiya barabincev, tyurkskih, tobol'skih i tyumenskikh tatar* [Samples of folk literature of the Turkic tribes living in Southern Siberia and the Dzungar steppe. T. IV. Adverbs of Barabans, Turkic, Tobolsk and Tyumen Tatars]. St. Petersburg, 1872, pp. 258–262.
Fond Centra pis'mennogo i muzykal'nogo naslediya IYALI im. G.Ibragimova AN RT, koll. 39. [Center for Written and Musical Heritage of Institute of Language, Literature and Art named after G.Ibragimov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, collection 39.]
Hikayate Kyr ugly Soltan [Epos about the Kure's son sultan]. Kazan, 1894, 90 p. (in the Tatar language)].